

правило, если мы говорим, например, о коренных народах Сибири в рассматриваемый период, эти условия связаны с внешней по отношению к традиционному хозяйству средой. Однако ряд изменений может порождаться и внутренними предпосылками, например, переход к товарному хозяйству по причине появления излишков продукции. В этом контексте трансформация может отождествляться с модернизацией. Но трансформация означает и преодоление прямой зависимости хозяйственной жизни от природных условий. Это выражается в интенсификации хозяйства, изменении хозяйственных форм, способов природопользования, развитии технологий. Изменения, происходящие в самой основе традиционного хозяйства, в свою очередь порождают трансформацию социальных отношений. Наконец, трансформация связана со стремлением экономических отношений выйти из-под контроля со стороны социальных институтов, в первую очередь общины. Однако освобождение индивидуальной экономической инициативы от опеки общины не исключает контроля над ней государства.

Изменение традиционного хозяйства (понимаемая, повторимся, как процесс, в ходе которого способ природопользования теряет свое системообразующее значение) инициируется дифференциацией хозяйственной деятельности, базирующейся на известном технологическом уровне, позволяющем, в определенной степени, преодолеть зависимость от природной среды. Результаты трансформации в этом случае следует рассматривать в контексте либо полной ликвидации традиционного хозяйства, либо во вхождении его в современную экономическую систему в качестве составной части (подсистемы). Трансформация традиционного хозяйства имеет целью приспособление хозяйственной жизни к новым социально-экономическим условиям, подразумевающим интеграцию традиционных хозяйств в более широкую экономическую систему (региональную, общенациональную, мировую). Трансформация в данном контексте не должна рассматриваться в обязательной связи с распространением рыночных отношений. Революционный или эволюционный характер трансформации традиционного хозяйства определяется не столько ее темпами, сколько степенью сохранения в интегрированной экономической системе специфических черт.

Л.И. ТРАХТЕНБЕРГ

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ТРУДА

Процессы возникновения сложнейших феноменов объективной реальности и социальной жизни, периодизация и перспективы их развития занимали важное место в духовной жизни людей с глубокой древности.

Письменные источники периода классового общества осуждают падение нравов, несправедливость и насилие, сопровождающие смену

технологических эпох. Так, Гесиод в поэме «Труды и дни» приводит легенду о пяти веках истории: золотом, серебряном, медном, бронзовом и современном ему (VIII–VII вв. до н.э.) железном. В нем произвол, насилие, падение нравов, деградация социальных институтов проявляются в большей степени, чем в предыдущие века. Гесиод утверждает, что «труд не позорен нисколько, позорна одна только праздность», что он приносит человеку богатство и независимость (БСЭ. 2-е изд. Т. 11. С. 164).

Подобные воззрения на возможности улучшения условий жизни людей на основе научно-технического, и социально-экономического прогресса в этом мире нашли отражение в религиозных учениях о конце света, в представлениях пессимистически настроенных исследователей на перспективы развития мировой цивилизации. Им противостоят оптимистические сценарии Сен-Симона, Конта, Гердера, Гегеля, Маркса, русских космистов и современных авторов технократических концепций.

Сегодня считается общепризнанным, что труд наряду с природой является источником всякого богатства. «Но он, — отмечал Энгельс, — еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле можем сказать: труд создал самого человека» (Энгельс Ф. *Диалектика природы* // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М., 1955–1973. С. 486).

Труд первобытного человека, жившего в согласии с природой и не противопоставлявшего себя ей, по существу являлся собирательством. Это был непосредственный и естественный обмен веществом между человеком и природой, мало отличающийся от инстинктивных форм трудовой жизнедеятельности животных. В этих условиях человек как универсальное существо исполнял все трудовые функции: поисковые, энергетические, транспортные, технологические, управленческие, социальные, оборонительные, используя преимущественно свои природные биологические ресурсы. Поэтому собирательство относят к *биогенному периоду* в становлении и развитии труда. В периодизации Ф. Энгельса, который использовал терминологию Л. Моргана, это эпоха называется дикостью.

Возникновение общественного разделения труда, переход к скотоводству и земледелию положил начало новому этапу в развитии труда как деятельности по производству и использованию орудий труда. Эта деятельность, опосредуя отношение человека к природе, способствовала обособлению и становлению его как вида, формированию социума, специфической иерархической социальной структуры, играющей значительную роль в организации и увеличении производительности труда. Эту социальную организацию Мемфорд образно назвал мегамашиной.

Так в истории развития труда начался техногенный период, в котором технические орудия труда и машины, определили приоритет вещества и энергии в обмене между людьми и природой. Техносфера и социум оттесняют природу на второй план и на многие тысячелетия становятся непосредственной средой обитания человека. Сторонники цивилизации

онного подхода подразделяют этот период на 2 этапа: доиндустриальный, соответствующий в классификации Энгельса варварству и индустриальный (промышленный), который он именовал цивилизацией.

У сторонников цивилизационного и формационного подходов временные рамки периодизации истории труда не совпадают вследствие разных критериев. Одни критерием считают развитие техники и технологии, другие — социально-экономические формы трудовой деятельности. Отсюда доиндустриальный этап истории труда более или менее соответствует первобытно-общинному, рабовладельческому и феодальному периодам истории его развития у сторонников формационного подхода и то не во всех странах. Так США не знали феодализма. Россия избежала классического рабства. В период феодализма в ней наряду с крепостничеством существовали торговля и самоуправление Великого Новгорода и Северных территорий, свободное хлебопашество и казацкая вольница на Юге. В Сибири и на Дальнем Востоке не было ни рабства, ни феодализма, а вмешательство центральной власти в административное и хозяйственное развитие этих регионов было достаточно формальным. В этом еще декабристы видели благоприятные условия для успешного развития.

«Залогом хорошей будущности Сибири, — писал декабрист А. Розен, — служит уже ныне три обстоятельства: она не имеет сословий привилегированных, нет в ней дворян-владельцев...нет крепостных, чиновников в ней немного. Сверх того, народ хорошо справляется на областных сходках, трудится большею частью на земле привольной и исправно выполняет все государственные повинности» (*Цит. по: В. Шахеров Мир дело великое // Земля Иркутская. 1997. № 9. С. 37*). Однако история не оправдала этих надежд. Россия и позже продолжала значительно отставать в цивилизационном развитии от европейских стран, а Сибирь и Дальний Восток — от европейской части России.

При этом оценки исторического опыта России и путей ее дальнейшего развития продолжали оставаться предметом острых дискуссий и показывали, насколько актуальна для России эта проблема.

Так сторонники национальной исключительности опирались на идеи славянофилов и концепцию Н.Я. Данилевского о неповторимости культурно-исторических типов, в которой отрицалась возможность взаимообогащения национальных культур и использования иностранного опыта. Западники, же полагали, что со времен Петра I, как отмечает Е.Л. Сараева, «за полтора столетия включенности страны в процесс преобразований с использованием западного опыта общество подошло к пониманию задач формирования гражданских отношений, необходимости отмены крепостного права, освобождению личности от всех форм произвола, установления разумного правопорядка» (*Сараева Е.Л. Цивилизационные особенности России в оценках западников 1840-х гг. // Вопросы истории. 2007. № 9 С. 60*). Исторический опыт преобразований и в последующие полтора столетия убеждает, что, несмотря на отмену крепостного права и

существенные принципиально противоположные социально-политические перемены в стране, цивилизационные особенности России и сегодня затрудняют успешное проведение реформ и эффективное хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока, оставаясь актуальнейшей проблемой новой России.

История Нового и новейшего времени убедительно подтверждает значительный рост производительности труда и качества жизни социума при становлении и развитии технических цивилизаций. Однако их высокие и сверхвысокие технологии оказывают все более разрушительное действие на экологическое состояние биосферы и на самого человека.

Так А.С. Нариньяни утверждает: «Мы стремительно растаем во все более высокие технологии (hi-tech, технологии прорыва), и они вырастают в нас». При этом симбиоз с новыми технологиями способен преобразовать нашего современника «... радикально, превращая сегодняшнего Ното в некоторый новый вид, который вполне будет заслуживать этикетки eНОМО».

По его мнению реальнее всего сценарий будущей цивилизации типа Б, в которой новый вид окончательно теряет всякую свободу, включая свободу выбора быть личностью «...когда виртуальность формируемого сознания eНОМО станет для его рассудка и даже подсознания более близко и реальной, чем та конкретная материальность, которая останется за рамками его прямого восприятия. Как в фокусе с зеркалами: если сами зеркала не воспринимаются, то зазеркалье невозможно отличить от действительности» (*Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 3, 17*). Нам представляется, что существует и вариант становления светоносной космической цивилизации типа С, для чего необходим некоторый переходный период, в который мы вступаем.

В нем возможно преодоление противостояния и разрушительного воздействия техносферы на биосферу, установление относительно уравновешенного обмена веществом, энергией и информацией между человеком и природой при приоритете энергии и информации.

Обыденной реальностью станут тенденции, о которых говорил К.Э. Циолковский, предположивший возможность и необходимость распространения деятельности человечества на освоение других планет и дальнего космоса

На этом этапе создаются условия для перехода к новому периоду в истории труда, которому соответствует название «космогенный», поскольку в нем, станет возможным использование в трудовой деятельности космических процессов.

Это приведет, как и предвидел К.Э. Циолковский, к трансформации биологического вида *Homo sapiens* и возникновению расы высокоорганизованных разумных существ, приспособленных к жизни в открытом космосе. Так будет достигнута автотрофность человечества, которая су-

щественно расширит его реальную свободу и в пределе обеспечит его предполагаемое бессмертие. Можно предположить, что человечество трансформируется в одухотворенную космическую субстанцию, способную к самореализации всех своих возможных форм и проявлений.

Для нее будет возможно все, включая способность управлять своими трансформациями и обновлениями в соответствии с тенденциями глобальной эволюции.

В какой мере эти предположения могут быть реализованы, сказать трудно, но и исключать такую возможность на наш взгляд нет оснований.

А.В. ШАЛАК

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В 1940-е гг.

Изучение социальных проблем населения в конкретный исторический период требует от историка опоры на определенные методологические основы и методический инструментарий. В данной статье эти основы и инструментарий увязываются с конкретикой 1940-х гг., имеющей отношение к Восточной Сибири, которая в первой половине 1940-х гг. являлась тыловым районом. Изучение условий жизни в других регионах, например, на оккупированных территориях, требует иных подходов. Хотя, при определенных оговорках, предлагаемый ниже методологический инструментарий можно согласовывать с эмпирическим материалом, выходящим за хронологические и территориальные рамки обозначенного периода. Дело здесь не столько в разнообразии условий жизни населения, что требует при их изучении основательных познаний в области исторической психологии и исторической социологии. Проблема и в том, что данная тема идет на стыке с социальными науками, предполагает, что исследователь изучает не только конкретно-историческую обстановку, опираясь на архивный материал, но и определенные факторы, которые непосредственно влияют на социальное положение и, отчасти, социальный статус различных групп населения. Поскольку каждый социальный статус обладает престижем и определяет положение человека или группы в социальной системе, то это вызывает необходимость определения специфических для данной системы признаков. Данное обстоятельство неизбежно требует от исследователя глубоких познаний в социальной и политической теории.

Чтобы определить предмет исторического исследования в рамках изучения условий жизни населения, нужно четко развести методологию социальной теории и исторического исследования. На необходимость такого строго разграничения обращали внимание М. Вебер, К. Поппер и другие выдающиеся методологи науки. Это необходимо сделать по той причине, что многие вопросы в рамках сформулированного объекта исследования рассматриваются как междисциплинарные.